

Брак поневоле

Автор:

Мейси Эйтс

Брак поневоле

Мейси Эйтс

Любовный роман – Harlequin #684

Элисон Уитмен – успешный юрист, молода, хороша собой, но одинока. Она не стремится к замужеству, желая остаться независимой, но очень хочет ребенка. Элисон решается на искусственное оплодотворение. Через некоторое время она случайно узнает, что отец ребенка – принц Турана Максимо Росси. И ради блага малыша им придется пожениться. Соединит ли их не только обязательство перед будущим общим ребенком, но и зародившаяся любовь друг к другу?

Мейси Эйтс

Брак поневоле

Maisey Yates

An Accidental Birthright

An Accidental Birthright

© 2010 by Maisey Yates

«Брак поневоле»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2017

* * *

Глава 1

Элисон Уитмен положила руку на живот и подавила подступающую тошноту. Надо скорее съесть соленый крекер или выпить имбирной газировки.

- О, пожалуйста, только сейчас не бунтуй.

Тошнота по утрам – достаточно неприятно, а когда длится постоянно, то день превращается в кошмар. Особенно сейчас, когда ты едешь к мужчине с сообщением, что он станет отцом.

Элисон въехала в парк. Дорогу ей загородили кованые ворота перед внушительным особняком. Она мало что знала об этом человеке – отце своего ребенка. Вообще-то ничего, кроме имени. Но было ясно, что он совершенно другого уровня не только в материальном смысле, но и во всех остальных. Глаза у нее полезли на лоб, когда она увидела мужчину в темном костюме и солнечных очках – типичного охранника, – который прохаживался вдоль ограды. Неужели Макс Росси связан с мафией или с чем-то в этом роде? У кого еще есть служба безопасности в глубинке штата Вашингтон?

Охранник – а это точно охранник – вышел из-за ограды и с суровым видом приблизился к машине Элисон. Он жестом попросил ее опустить оконное стекло, что она и сделала вручную, поскольку ее автомобиль – далеко не новейшая модель.

– Вы заблудились, мэм? – Вопрос прозвучал вежливо, но она заметила, что он держит руку на бедре, а кисть скрыта под пиджаком. Наверняка нащупывает пистолет.

– Нет. Я приехала к мистеру Росси. Вот адрес, который мне дали.

– Прошу прощения, но мистер Росси не принимает посетителей.

– Я... Я – Элисон Уитмен. Он меня ждет. Думаю, что ждет.

Охранник извлек из кармана сотовый телефон, нажал на кнопку быстрого набора и что-то сказал на иностранном языке – на итальянском, догадалась она. Снова посмотрев на нее, он произнес:

– Проезжайте и припаркуйтесь перед домом.

Он нажал на кодовый замок на воротах, створки раскрылись, и Элисон проехала.

Она совсем не знала Макса Росси, и у нее не было уверенности, что он не представляет для нее опасности. Да она об этом как-то не думала.

Нет, неправда. Она думала. Много думала, пока не пришла к выводу, что у нее нет иного выбора, как приехать сюда и увидеть отца ее ребенка.

Дом был частично скрыт за высокими елями. Вокруг столько зелени, что это казалось почти нереальным. Хотя что тут необычного, когда на тихоокеанском Северо-Западе круглый год обилие дождей. Элисон редко выбиралась за пределы Сиэтла, поэтому очутиться на природе и увидеть особняк, стоящий среди этого нетронутого великолепия, как-то непривычно.

Но последние две недели после получения положительного теста на беременность ей казалось, что все происходит не с ней.

Элисон остановила свой старый автомобиль перед домом и медленно вышла. Хоть бы ее перестало мутить, а съеденный ланч не оказался на мощеной дорожке. Не таким образом производят благоприятное впечатление на мужчину.

Неизвестно откуда возник другой охранник, взял ее под локоть и повел к парадной двери.

– Я оценила ваш рыцарский жест, но я могу пройти в дверь сама, – холодно заметила Элисон.

В ответ получила натянутую улыбку, но руку ей отпустили.

Охранник открыл перед ней дверь, а Элисон подумала, что хорошие манеры здесь ни при чем, просто за ее спиной он находится в более выгодном положении.

– Мисс Уитмен? – Глубокий бархатный голос прозвучал с едва заметным акцентом. У Элисон в животе снова все перевернулось, правда, не от тошноты. Она не могла определить, что это за ощущение, – странная дрожь, которую не назовешь неприятной. Элисон прижала руку к животу.

Но вид обладателя этого чарующего голоса только усилил трепыхание в животе. Он спустился вниз по винтовой лестнице, движения его были плавные, грациозные, но тем не менее выглядел он мужественно.

Ей не приходилось встречать такого красивого мужчину. Вообще-то она не любительница глазеть на мужчин, но от этого человека она не могла отвести взгляда. Он... неотразим. И дело тут не только в привлекательных чертах лица и прекрасной фигуре. От него исходит властность, непререкаемость, и она подпала под эту ауру.

Твердо очерченные высокие скулы, сверлящий взгляд темных, бездонных глаз под густыми ресницами устремлен на нее.

Она где-то его видела, но где? Такой вот образец мужского совершенства вряд ли мог появиться в коридорах непрестижной юридической конторы, где она работала.

Элисон с трудом сглотнула слюну, сделала глубокий вдох, надеясь уменьшить прилив тошноты.

- Да, - ответила она.

- Вы из клиники? - Он остановился перед ней. Его осанке мог бы позавидовать морской пехотинец. Элисон с ростом в сто пятьдесят шесть сантиметров пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть на него. Он-то выше ее сантиметров на тридцать, никак не меньше.

- Да... нет. Не совсем. Я не знаю, что именно объяснила Мелисса, когда вам звонила.

Мелисса - это ее ближайшая подруга, и когда она узнала об ошибке, сделанной в клинике, она не только тут же сообщила Элисон сведения о Максе - против воли начальства, - но предложила самой встретиться с ним.

- Она почти ничего не объяснила, сказала лишь, что это срочно.

Может, повернуться и уйти, забыв обо всем?

Но это путь труса. Не в ее правилах пускать все на самотек, и, в отличие от других людей, она не уходила от ответственности. Никогда.

- Мы можем где-нибудь поговорить? - Элисон оглядела просторный холл. Несомненно, в доме полно комнат, где они могли уединиться и поговорить.

- У меня мало времени, мисс Уитмен.

Ее охватила злость. У него нет времени? Можно подумать, что у нее есть. Ей было не просто выкроить свободное время. Каждое дело, которым занимались в конторе, было жизненно важным. Они защищали тех, кто не мог сделать это сам, и то, что она на полдня уехала сюда, чтобы поговорить с ним, означало, что она оставляет своих клиентов в беде.

- Уверяю вас, мистер Росси, мое время тоже ценится, - натянуто произнесла она. - Но мне необходимо с вами поговорить.

- В таком случае говорите, - ответил он.

– Я беременна, – произнесла Элисон.

У него дрогнула щека.

– Я что, должен вас поздравить?

– Отец – вы.

В темных глазах появился недобрый блеск.

– И вы, и я знаем, что это невозможно. Вы можете не вести счет своим любовникам, мисс Уитмен, но уверяю вас, что я не столь неразборчив в своих связях.

Элисон бросило в жар.

– Как известно, есть и другие способы зачать ребенка помимо половой связи. Когда Мелисса из лаборатории «Зоил» позвонила вам, она намекнула, что я там работаю, но я... их клиентка.

Он замер, лицо окаменело.

– Пройдем в мой кабинет.

Она прошла за ним по обширным жилым помещениям до массивных дубовых дверей. Его кабинет производил внушительное впечатление: высокий потолок с деревянными балками, одна из стен – стеклянная – выходила на долину. Красота. Нетронутая природа. Но ей было не до красот природы.

– В клинике произошла ошибка, – сказала Элисон, глядя через стекло на горы вдалеке. – Мне не собирались об этом сообщать, но там работает моя подруга, и она решила, что я имею право знать. Вы стали моим донором по ошибке, а в клинике не было данных... вашего генетического тестирования.

– Как такое возможно? – Он мерил комнату широкими шагами.

– Мне детально не объяснили. Знаю только то, что вашу пробу перепутали с донором, которого выбрала я, потому что у вас оказалась одна и та же фамилия. Мой донор был некий мистер Росси.

Макс окинул ее тяжелым взглядом:

– Это не был ваш муж или бойфренд?

– У меня нет ни мужа, ни бойфренда. Все должно было происходить анонимно. Но... – У Элисон вырвался прерывистый вздох. – Но теперь все не так просто.

Он скривился:

– Не так просто, потому что вы узнали, что донор для вашего ребенка богатый человек? Вы здесь, что бы получить какую-нибудь помощь перед родами?

Элисон возмутилась:

– Ничего подобного! Мне очень жаль, что я вас побеспокоила. Вы ведь не ожидали увидеть у себя на пороге реципиента, донором которого вы стали. Но мне необходимо знать, проходили ли вы генетическое тестирование перед тем, как обратились в клинику.

– Я не был донором, – отрезал он.

– Нет, были! Моя подруга назвала мне ваше имя. Она сказала, что вашу сперму ввели мне по ошибке.

Лицо у него напряглось еще сильнее, и Элисон заметила, как он сжимает и разжимает кулаки, словно старается подавить гнев.

– Я сдавал образцы спермы в клинике, но не для анонимного донорства. Это предназначалось для моей жены. У нас были трудности с зачатием.

У Элисон кровь отлила от лица, голова закружилась. Все, чего ей хотелось, так это развернуться и убежать. Она читала в газете ужасные истории о парах, пострадавших от того, что перепутали образцы, и о том, как люди лишались

детей. Она прижала ладонь к животу. Ее ребенок с ней, даже если этот мужчина – биологический отец. Она все еще мать. Ни один судья не заберет ребенка от любящей, умелой матери. А жене Макса в любом случае не нужен ребенок, который ей не принадлежит. Она не может хотеть этого ребенка.

– Мне всего лишь... нужно знать... – Элисон перевела дух. – Я носитель кистозного фиброза, но мой вариант этого генетического вируса не опасен для плода. У всех доноров – до того, как их утверждают – берут анализы на генетические отклонения. Но ваших результатов нет. Мелисса знала, что я беспокоюсь, и хотела дать мне информацию, а сведений не оказалось.

– Потому что я не был донором, – повторил он.

– Но вас же тестировали? – с отчаянием спросила она. Она должна знать. В детстве ее сестра угасала от этой болезни, что стало для Элисон тяжелым испытанием. И концом всего: семьи, счастья. Она должна знать, что ее ждет, чтобы подготовиться к худшему. Прерывать беременность она не будет, чего бы ей это ни стоило. Память о сестре, о ее короткой жизни была слишком ей дорога, чтобы даже думать о прерывании беременности. Но знать правду ей совершенно необходимо.

– Я не делал такого теста.

Элисон опустилась в плюшевое кресло у письменного стола: ноги ее не держали.

– Вам нужно это сделать, – сказала она. – Пожалуйста. Мне нужно, чтобы вы это сделали.

Максимо пристально смотрел на сидящую перед ним женщину. Стук сердца гулко отдавался в груди. За два года после смерти Селены он и думать забыл о клинике. Когда на днях ему позвонили из дирекции лаборатории «Зоил», он подумал, что это имеет отношение к образцам его спермы. Вскоре после несчастного случая с Селеной у него был звонок по голосовой почте: в клинике хотели узнать, могут ли они уничтожить его образцы, но он тогда не обратил внимания на сообщение. В то время он был не в состоянии думать об этом. Он и представить не мог возможных последствий.

А теперь он станет отцом. Этот факт потряс его до глубины души. Взгляд упал на живот Элисон... плоский. Она такая тоненькая, что невозможно поверить в то, что она носит ребенка. Его ребенка! Сына или дочь.

Он вдруг представил темноволосого младенца на руках у Элисон Уитмен. А она смотрит на ребенка с материнской улыбкой. Грудь сдавило от боли. Он-то думал, что желание иметь детей умерло. Он думал, что мечта ушла, ушла вместе с женой.

Но вот в одну минуту – во что трудно поверить – все мечты снова осуществляются. И в ту же самую минуту он узнает, что у его ребенка могут быть серьезные осложнения со здоровьем. Вся его жизнь, которую он тщательно контролировал, вдруг вышла из-под контроля. Все, что играло для него какую-то роль, пять минут назад утратило значение. Все, что важно, теперь сконцентрировалось в утробе этой незнакомки.

Он сделает тест, узнает как можно скорее, существует ли возможность болезни у их ребенка. Надо действовать – это поможет поверить по-настоящему в то, что ребенок есть.

– Я сделаю тест, – сказал он.

Макс не планировал возвращаться в Туран еще две недели, но тест – это первостепенное дело, а для этого нужно будет увидеться во дворце с личным врачом. Он не хочет рисковать, чтобы сведения просочились в прессу. Пресса и так достаточно вмешивалась в его жизнь.

– Что вы предпримете, если тест окажется положительным? – спросил он.

Элисон опустила глаза, глядя себе на руки. Макс не мог не отметить, какие они тонкие, женственные, даже без украшений и маникюра. Легко представить, как эти руки мягко касаются его тела и как своей бледностью выделяются на его темной коже. Похотливый жар разлился в паху. Она – красивая женщина, этого нельзя отрицать. И косметикой пользуется намного меньше, чем те женщины, к которым он привык. Макияж у нее минимальный, кожа словно слоновая кость, глаза необычного медного цвета без теней для век, на пухлых губах едва заметный бледно-розовый блеск... который можно быстро снять поцелуем. Прямые белокурые волосы падали ниже плеч и выглядели такими мягкими,

естественно струящимися. Можно пропустить прядки сквозь пальцы и смотреть, как они разметались по подушке. Низ живота у него стянуло узлом. Если он в состоянии возбудиться в такой момент, это говорит об одном: как долго он сдерживал свой половой инстинкт. Но когда было так, чтобы женщина мгновенно будила в нем желание, чтобы похоть с такой силой овладевала им?

– Я все равно сохраню ребенка, – медленно произнесла она, поднимая на него глаза. – Мне просто надо быть готовой.

Она сказала это так, словно ему, отцу ребенка, нет места. Макса охватил праведный гнев собственника, да такой сильный, что моментально заглушил сладострастные мысли.

– Ребенок не только ваш. Ребенок наш.

– Но... но вы и ваша жена...

Неужели она не знает, кто он? Возможно ли такое? По ее лицу нельзя ничего понять. Если она не знает, кто он, то она – первоклассная актриса.

– Моя жена умерла два года назад.

Необычные глаза широко раскрылись.

– Я... простите. Я не знала. Мелисса не сказала мне этого. Она ничего про вас не сказала, только ваше имя.

– Обычно этого достаточно, – уныло произнес он.

– Но... вы же не думаете, что я отдам вам моего ребенка?

– Нашего ребенка, – сердито поправил он. – Моего в той же мере, что и вашего. Конечно, если считать, что вы – настоящая мать, а не какая-то другая женщина, которая отдала вам свой генетический материал.

– Нет. Это мой ребенок. Биологически мой. Я получила искусственное оплодотворение. – Она опустила глаза. – Это моя третья попытка. Две другие

были неудачными – я не забеременела.

– А вы уверены, что это была моя проба, которой вас оплодотворили?

– Все пробы были ваши. – Она сжала губы. – Ошибка с вашими пробами была сделана много месяцев назад, и эту ошибку обнаружили после последнего раза. Третья попытка оказалась успешной.

Повисло молчание. Тяжелое. Максимо слышал каждый стук сердца – оно колотилось все чаще и чаще. Он смотрел на ее полные, пухлые губы. В этот момент единственной мыслью было: как жаль, что он не сделал трех традиционных попыток зачатия с этой женщиной. Она красива. Очень красива. И в ней соблазнительно сочетаются сила и ранимость. Это почему-то привлекает еще больше. Макс подавил прилив желания, простреливший его с головы до ног.

– Значит, вы можете зачать ребенка обычным способом, но предпочитаете сделать это при помощи спринцовки.

– То, что вы сказали, отвратительно. – Губы у нее скривились – было видно, как ей противно.

Он сказал это намеренно, чтобы разрядить свою злость на женщину, которая вошла в его дом и перевернула весь его мир.

– Вы лесбиянка? – спросил он. Если она лесбиянка, то какая же это потеря для мужского сословия.

Она покраснела.

– Нет. Я не лесбиянка.

– Тогда почему не подождать и не зачать ребенка с мужем?

– Потому что я не хочу мужа.

Только теперь Макс заметил, что она одета для офиса. Его внимание было занято ее лицом, поэтому он не разглядел как следует все остальное: хорошо

сшитый брючный костюм грифельного цвета и крахмальную белую блузку. Нет сомнений – эта женщина делает карьеру. Вероятно, наймет нянь и гувернанток для воспитания ребенка, а сама будет занята карьерными успехами. Зачем в таком случае ей ребенок? Как дополнительный символ того, чего она добилась без помощи мужчины?

– Не вздумайте считать, что вы будете воспитывать этого ребенка без меня. Мы сделаем тест на отцовство, и если окажется, что это мой ребенок, то у вас появится муж, входит это в ваши планы или нет.

Он не хотел снова жениться. Он даже не был склонен вступать в одноразовые связи после смерти Селены, но то, что случилось сейчас, все меняет. Если ребенок его, то он не будет отсутствующим отцом. Он хочет, чтобы сын или дочь жили с ним в Туране, а не за океаном в США.

Его не устраивало, если на ребенка будут смотреть как на незаконнорожденного королевского отпрыска, который не сможет унаследовать то, что принадлежит ему или ей по праву. Есть лишь один способ это исправить.

И когда он сообщил ей об этом, то она настолько поразились, что было смешно на нее смотреть. Хотя всю ситуацию даже отдаленно нельзя назвать комичной.

– Вы делаете мне предложение?

– Не совсем.

– Я вас не знаю, а вы не знаете меня.

– У нас будет ребенок.

– Я не понимаю, как это связано с браком. – Она поджала соблазнительные губы.

– Это – обычная причина, по которой люди женятся, – сухо заметил он. – Возможно, самая обычная.

– Я твердо намерена быть матерью-одиночкой. Я не жду принца на белом коне, в которого влюблюсь без памяти и который предложит мне вступить с ним в брак.

Это не план «Б» в ожидании подходящего мужа. Мой единственный план – это ребенок.

– Уверен, что Лига женщин будет приветствовать ваши прогрессивные взгляды, мисс Уитмен, но вы не единственный участник в этой истории. Я тоже в нее вовлечен. Вообще-то это вы выбрали меня.

– Так получилось. И теперь мне необходимо знать, не являетесь ли и вы носителем кистозного фиброза. Это серьезное генетическое заболевание.

– Разве нельзя сделать тест плода?

– Я хочу знать до рождения ребенка. Если заболевание есть, то придется подготовиться... эмоционально. Тест делают и через матку, но лишь в том случае, если оба родителя – носители болезни. Я могла бы сказать, что не знаю, кто отец, и тогда дородовой тест будет сделан, но есть небольшой риск выкидыша, а я не хочу рисковать, раз можно пойти и поговорить с вами.

– Весь этот ваш феминизм может быть просто позой, ширмой. Вы сказали, что в клинике работает ваша подруга, а я богатый, влиятельный человек. Вполне вероятно, что вы не случайно получили мои образцы. Как такое случилось, что они оставались в клинике два года и вдруг их перепутали с донорской спермой?

Максимо знал людей, готовых пойти на все, лишь бы засунуть руку в его карман либо воспользоваться его связями. Эта женщина вполне могла придумать план, чтобы обеспечить себя деньгами и положением. Люди делали кое-что и похуже, чтобы получить намного меньше того, что он мог предложить матери своего ребенка.

– Я не знаю, почему произошла ошибка. Я знаю только, что ошибка произошла, – сказала она и сжала зубы. Ровные, белые – это он отметил. – Но не льстите себе, думая, что я пошла бы на такие неприятности, лишь бы привязать себя к вам, чтобы получить деньги. Я даже не знаю, кто вы, так что можете не обольщаться и по этому поводу.

У него вырвался резкий смех.

– Дело не в том, что я себе льщу. Но трудно представить, что женщина – образованная и хорошо информированная – не знает, кто я. Но возможно, что вы таковой не являетесь.

Глаза у нее загорелись, изящно изогнутые брови сдвинулись.

– Вы судите о моем интеллекте в зависимости от того, знаю я или нет, кто вы? Ну и самомнение у вас, мистер Росси.

– Мне жаль, но я вынужден подтвердить ваше мнение обо мне, мисс Уитмен. Мой официальный титул – принц Максимо Росси, и я наследник трона Турана. Если ребенок, которого вы носите, мой, то он или она наследник и будущий правитель моей страны.

Глава 2

Вдруг все с пугающей ясностью встало на свои места. Элисон поняла, почему его лицо ей знакомо. Он не просто мистер Макс Росси. Она видела его раньше. В новостях по телевизору, в таблоидах. Он и его жена постоянно были в центре средств массовой информации. Красивые, счастливые принц и принцесса. Затем два года назад в прессе появились сообщения о трагедии – он потерял жену.

Если бы Элисон сейчас не сидела, то наверняка рухнула бы на пол.

И тут комната поплыла куда-то вбок.

– Вам плохо? – Он присел перед ней и положил руку на лоб. Рука у него была горячая, обжигала. Он осторожно отвел волосы с шеи, и она почувствовала прохладу – теперь ее пробил пот.

– Да, – сказала она. – Нет.

– Опустите голову, – посоветовал он и сам наклонил ей голову вниз, ладонь осторожно коснулась ее шеи. Рука у него крепкая, но какое нежное прикосновение... Давно никто не касался ее. Были рукопожатия, кто-то

дотрагивался до нее во время разговоров, но она не могла вспомнить, когда в последний раз кто-нибудь помогал ей... вот так бережно.

Ручейки приятного возбуждения пробежали у нее по телу.

Странно, что мужские руки могут быть одновременно нежными и крепкими. Она посмотрела на его другую руку, лежащую у нее на бедре. Пальцы длинные, с аккуратно подрезанными ногтями, кисть широкая и сильная.

Тепло от его ладони проникало сквозь шерстяные брюки. Элисон было хорошо и приятно. И даже больше, чем приятно. Грудь отяжелела, воздух сомкнулся вокруг нее. Неужели она способна реагировать на мужское прикосновение? Чувственность – это не про нее. У нее никогда не возникало тяги к связям, к отношениям с мужчинами, к тому, чтобы раскрыться перед кем-нибудь, чтобы зависеть от этого человека. В результате ей удавалось избегать серьезных романтических увлечений.

Ее реакцию на Максимо можно объяснить лишь тем, что она беременна, просто гормоны разыгрались. Никакого другого объяснения нет.

– Со мной все хорошо, – сдавленно произнесла она и положила свою руку на его, чтобы отодвинуть. И... ее охватила дрожь... чувственная дрожь. Элисон отдернула руку и встала, хотя перед глазами все плыло. – Спасибо.

– Вы уверены, что достаточно здоровы для беременности? – спросил он. В его голосе слышалось беспокойство. Правда, она не была уверена, за кого он беспокоится: за нее или за ребенка.

– Я прекрасно себя чувствую. Просто не каждый день девушка узнает, что беременна от наследника трона Турана.

Максимо понимал, что Элисон не могла бы так естественно изобразить плохое самочувствие, какой бы искусной актрисой ни была. В ее медно-золотистых глазах появилось загнанное выражение, изящные руки подрагивали. Она в шоке – это видно. Он не может поверить, что она все это срежиссировала. Она действительно не похожа на женщину, которая наблюдает за тем, как осуществляется ее тщательно продуманный план. Она похожа на испуганного олененка, в широко раскрытых глазах затаился страх.

- Да и не каждый день мужчина узнает, что у него появился второй шанс завести ребенка, - произнес он.

- Вы ведь хотите ребенка. - Голос у нее прозвучал глухо.

- Конечно, я хочу ребенка. Как я могу не хотеть собственного ребенка, мою плоть и кровь?

- Если дело в том, чтобы произвести на свет наследника, то почему не найти другую женщину...

- Хватит! - оборвал ее он, закипая от гнева. - Вы, очевидно, считаете, что я так просто смогу забыть, что у меня есть ребенок? Что я смогу оставить его, потому что он не был запланирован? Вы бы могли так поступить?

- Нет, конечно!

- Тогда почему вы ждете этого от меня? Если это так просто, то родите этого ребенка и отдайте его мне. Затем заведите другого с другим мужчиной... вернее, при его содействии.

- Вы же понимаете, что я никогда этого не сделаю. Я никогда не оставлю своего ребенка!

- Почему же ждать этого от меня?

- Все... все пошло не так, - простонала Элисон и снова опустилась в кресло у письменного стола, закрыв лицо руками.

- Жизнь не всегда идет по плану. Обстоятельства меняются. Люди умирают. Происходят несчастные случаи. И тогда все, что можно сделать, это жить с тем, что уже произошло.

Она подняла на него глаза - в глазах злость.

– Я не хочу делить моего ребенка с незнакомым человеком. Ни с кем не хочу делить. Если я кажусь эгоисткой... что ж, мне жаль.

– Простите, но я не могу позволить вам исчезнуть с моим ребенком.

– Я не говорила, что собираюсь исчезать с вашим ребенком. Я понимаю, что... и вам тоже тяжело. Но вы не собирались заводить ребенка, а я собиралась.

– Я не один год хотел иметь детей. У меня это не получилось, сначала из-за бесплодия, а потом я потерял жену. И вот сейчас, когда у меня снова появляется шанс, я не допущу, чтобы вы стояли на моем пути.

Он не спустит с нее глаз – в этом он уверен. Но что потом? Это пока не ясно. Брак – наиболее подходящий вариант, единственный способ не допустить, чтобы его сын или дочь страдали от клейма незаконнорожденного. Но при одной лишь мысли о браке ему становилось плохо. Как быть? Первое: не дать этой женщине возможности скрыться от него.

– Я должен улететь в Туран и проконсультироваться со своим личным врачом. Я не хочу проходить тестирование в США.

– Но вы и ваша жена лечились от бесплодия именно здесь.

Да, это так. Селена выросла на Западном побережье Америки, и у них была резиденция в Вашингтоне, где они проводили время, чтобы отдохнуть от круговерти дворцовой жизни в Туране. Вот почему они выбрали клинику в Вашингтоне, когда решили осуществить свою мечту о детях.

– Да, – сухо ответил он, – но за прошедшие сорок минут моя вера в компетенцию ваших медиков сильно уменьшилась. Причины очевидны. Мой врач в Туране сделает все быстро и тактично.

Она кивнула, не видя смысла с ним спорить.

– Когда, по вашему мнению, вы сможете сделать тест?

– Как только я туда вернусь. Здоровье моего ребенка для меня тоже важно.

Он взглянул на нее, и она показалась ему такой одинокой, такой печальной, что захотелось обнять ее хрупкую фигурку и защитить от всех напастей. Макс не ожидал от себя такого порыва. Это оттого, что она носит его ребенка? Жизнь его ребенка связана с ее жизнью, и поэтому его долг – защитить ее. Это – первобытный инстинкт мужчины. А как назвать то, что он с огромным трудом преодолевает желание заключить ее в объятия, крепко прижать своей грудью ее мягкую грудь, осыпать поцелуями ее губы, пока они не распухнут, и... овладеть ее телом? Наверное, заявить свои права – это скрытый мужской инстинкт собственника.

– Я собираюсь выдвинуть обвинения против клиники, – сказала она. – Я юрист и уверена, что мы выиграем дело.

– Я тоже уверен, что выиграем, хотя у меня нет степени юриста, – ответил он. – Но это привлечет прессу.

И тогда информационная круговерть выйдет из-под контроля. Появятся сенсационные заголовки на радость любителей скандальных историй. Тут всплывет и бесплодие его жены, будут смаковаться все подробности его брака. Только этого ему не хватало. Незачем оскорблять память Селены. Кое-какие вещи лучше не ворошить, в том числе и последние месяцы его брака.

– Вы обычно привлекаете внимание массмедиа?

– А вы, вероятно, не слушаете развлекательные новости?

– Нет, не слушаю. Но случается, что я стою в очереди в магазине, а это значит, что заголовки в таблоидах, которые там лежат в больших количествах, я видела. Я просто не обращала на них особого внимания и вашего лица не запомнила.

– И моего имени.

Она пожала плечами:

– Я не держу мелочи в голове.

Он не мог не рассмеяться. Ему нравилось, что она, несмотря ни на что, в состоянии дерзить ему. Ему редко противоречили. Даже Селена этого не делала – она просто отстранялась от него. Он отбросил мысли о Селене и переключился на насущную проблему.

– Я бы хотел, чтобы вы полетели в Туран со мной.

У нее глаза округлились от удивления.

– Нет. Я не могу. Я очень занята. У меня дел по горло. Каждый из моих клиентов требует моего постоянного внимания, и я не могу ничего отложить на потом.

– Разве в вашей конторе нет больше никого, кто мог бы вас заменить? Вы ведь беременны.

– При чем здесь беременность? У меня есть обязанности, а обязанности не отложишь лишь потому, что вам этого хочется.

– Понятно. Вам так важна карьера, что вы не можете взять отпуск, чтобы лично удостовериться в результате теста, который важен для нашего ребенка?

Щеки у нее запылали, она вскинула подбородок.

– Это не честно. Это шантаж.

– Если это не сработает, то я найду другие способы. Я не слишком разборчив в средствах.

Губы у нее вытянулись в струнку, а ему так хотелось, чтобы она расслабилась, хотелось видеть улыбку на ее губах мягких и пухлых. Как же давно это было, чтобы женщина искушала его, а он получал от этого удовольствие! Он протянул руку и коснулся большим пальцем ее нижней губы. От неожиданности рот у нее приоткрылся и палец притронулся к влажному кончику языка. Макса пронзило желание, стрела попала прямо в пах, все внутри свело, и он забыл про беременность, он хотел ее так, как мужчина хочет женщину. Он был потрясен. Взгляд упал на левую руку, где на пальце уже не было обручального кольца. Он снял его после похорон Селены, не желая носить на себе воспоминания о своем

браке.

– Нам необходимо прийти к какому-то решению, – негромко произнес он. – Ради ребенка. Нужен компромисс, а не шантаж.

Она отвернулась со словами:

– Почему-то компромисс всегда исходит от простолюдина.

– Нет, сага, вы неправильно обо мне судите. Я весьма справедливый человек.

– Попробую проинтервьюировать на этот счет людей, которых вы бросили в королевскую темницу, – ядовито заметила она.

– Им не разрешается говорить, так что ваше интервью будет безуспешным.

Элисон прерывисто вздохнула и откинула светлые волосы с плеч.

– Мне необходимо позвонить в свою контору и договориться о выходных, – сказала она. – Когда мы уезжаем?

Элисон пожалела о своем решении лететь вместе с его королевским высочеством почти в тот же момент, как согласилась на это.

Она – в салоне отдыха первого класса аэропорта, ожидает появления Макса. Стараясь успокоиться и чтобы заглушить утреннюю тошноту, она стала ходить взад-вперед и жевать соленый крекер. Кругом удобные плюшевые кресла, но Элисон была слишком взвинчена, чтобы сидеть.

Ну почему все так усложнилось? Целых три года она планировала свою беременность, все силы устремив на эту цель. Она копила деньги, водила машину-развалюху, переехала в дешевую мебелирашку. И все ради того, чтобы потом, когда появится ребенок, она сможет купить дом, где будет жить с ним или с ней несколько лет. Она ушла с изматывающей работы в престижной юридической фирме, чтобы лучше физически подготовить себя к беременности. Она даже стала откладывать деньги на обучение ребенка в колледже!

И один телефонный звонок все уничтожил, когда она узнала, что получила сперму от донора, у которого нет медицинской карты. Звонок Мелиссы – это бомба, от которой все разлетелось вдребезги.

Казалось, что она предусмотрела все подводные камни: чтобы отец ребенка был здоров, чтобы была сохранена анонимность и какой-то мужчина не заявил права на ребенка.

И что она получила? Самый ужасный сценарий, какой только можно представить.

Вчера Максимо был с ней дружелюбен, но это не помешало ей почувствовать, что он может быть и безжалостным, и жестоким. Даже его вежливый тон звучал как приказ. Он – человек, который никогда не спрашивает разрешения. Конечно, на его стороне богатство, положение, но и она не тряпка, о которую можно вытирать ноги, и не позволит ему взять верх.

Пока что все происходит мирно. Элисон готова договориться с ним. Он имел право на своего ребенка, нравится ей это или нет. Он – такая же жертва обстоятельств, как и она.

Элисон посмотрела через тонированные окна вниз на терминал. Через раздвинувшиеся автоматические двери вошел Максимо в сопровождении охраны, следом толпились фотографы.

Он исчез из вида, но спустя несколько минут дверь салона распахнулась и появился он, но уже без фотографов и охранников.

Элисон не смогла удержаться, чтобы не оглядеть его с головы до ног. Сквозь белую рубашку угадываются тренированные мышцы, рукава закатаны до локтей, открывая загорелые предплечья, брюки плотно обрисовывали бедра и... Господи, выше ее сил не посмотреть на выпирающий бугорок под ширинкой. Она опустила глаза – ей стало неловко от такого несвойственного ей поведения. Она и припомнить не могла, чтобы когда-нибудь так смотрела на мужчину. Наверное, это от нервов.

Максимо подошел к ней. Сняв солнечные очки, он засунул их за ворот рубашки. И опять непроизвольно глаза Элисон проследовали за его движениями. Словно загипнотизированная, она смотрела на темные волосы на полоске загорелой кожи, видневшейся в расстегнутом воротнике.

– Я рад, что вы решились, – сказал он.

Его, кажется, абсолютно не трогало то, что его минуту назад фотографировала целая толпа репортеров. Если бы ей в лицо тыкали камерами, она переживала бы о том, не застряло ли у нее в зубах зернышко мака от съеденного кекса.

– Я же сказала, что буду здесь, – холодно ответила Элисон. – Я держу свое слово.

– Рад это слышать. Как ваше самочувствие?

Он взял ее за руки – жест хозяина без налета чувственности, но все равно у нее сердце подскочило к горлу. Он такой огромный, такой сильный, особенно по сравнению с ней. Эта мужская сила так притягивает, что кажется вполне обычным поддаться желанию приникнуть к нему, чтобы снять хоть часть напряжения.

Элисон старалась не обращать внимания на вибрирование в животе и думать только о том, что ее подташнивает.

– На самом деле я чувствую себя отвратительно, но спасибо за беспокойство.

Он еле заметно улыбнулся.

– Мой самолет ожидает нас на площадке перед ангаром. Один из моих охранников проведет вас туда, а я подойду через пару минут. Нам не стоит устраивать совместную фотосессию.

Элисон согласно кивнула. От мысли, что ее фотография может появиться в бульварных газетенках, которые валяются в супермаркетах, она содрогнулась.

Вошел охранник, и Максимо сделал ей знак. Нагнув голову, Элисон шла по мокрой площадке к самолету. Краем глаза она заметила отблеск фотокамер.

Она поднялась вслед за охранником в салон шикарного частного самолета. Толстый ковер и роскошная обстановка делали его похожим на модный городской пентхаус. Но она уже побывала в доме Максимо и видела, к какому стилю жизни он привык. Он – принц одной из островных династий, будущий правитель страны, которая соперничает с Монте-Карло первоклассными отелями и увеселительными заведениями. Максимо просто соответствует своему уровню.

Охранник незаметно исчез, а она осталась стоять, не зная, сесть ей или нет.

Через десять минут появился Максимо. Выражение его лица было мрачным.

– Там у ангара болтался фотограф, но мы с вами входили в самолет не вместе, так что вас, скорее всего, приняли за кого-нибудь из персонала.

Элисон кивнула, не совсем понимая, каким образом в ее жизни появится необходимость прятаться от репортеров.

– Разве летим только мы с вами? – спросила она, оглядев пустой салон.

– Ну, вы, я и пилот. И еще второй пилот. И экипаж.

– Но это же неразумное расточительство. Вам не кажется?

Темные полосы бровей полезли на лоб. Неужели она своим замечанием застала его врасплох? Элисон даже почувствовала удовлетворение.

– Scusami? – переспросил Максимо.

– Совершать перелет через океан вдвоем, когда вполне можно было бы лететь коммерческим рейсом. И занимать целый штат для обслуживания... Не говоря уже о расходе горючего.

Он улыбнулся, блеснув ровными белоснежными зубами. Улыбка преобразила его лицо, смягчила резкие линии. Он выглядел почти доступным, обычным. Почти.

– Когда президент США откажется от борта номер один, я подумаю о другом способе передвижения. А до тех пор, я думаю, вполне приемлемо мировым лидерам летать на личных самолетах.

– Ну, наверное, трудно пройти в аэропорту через пропускную линию, когда у вас в карманах звенит золото.

– Вы сноб, Элисон? – шутливо спросил он.

– Я похожа на сноба?

– Ну, сноб наоборот.

– Ничего подобного. Я просто так сказала. Надо держать его на расстоянии, пусть уж лучше он будет на нее раздражен.

Она никогда не стремилась к связям, никогда не хотела от кого-либо зависеть, любить кого-нибудь, раскрыться перед кем-то, опасаясь, как бы ее не бросили. Она в своей жизни сталкивалась с этим. Сначала – потеря сестренки. От горя Элисон казалось, что Кимберли ее предала, бросила. А затем ушел из дома отец – бросил жену и дочь. Что касается матери, то она, если и не ушла в прямом смысле, стала совершенно другой, не похожей на ту женщину, какой была до смерти Кимберли и ухода мужа.

Пережив все это, Элисон научилась самостоятельности и не испытывала желания зависеть от кого-нибудь.

Но стать матерью она очень хотела. И твердо настроилась на осуществление своего желания без помощи мужчины. А теперь в ее тщательно разработанные планы вторгся Максимо. Все было ею досконально продумано, она учла все, ничто, казалось, не могло пойти не так. И вот ее мечты о будущем испаряются на глазах.

У ее ребенка есть отец, а не какой-то анонимный донор. Отец ее ребенка – принц. Высокомерный, самонадеянный и неотразимый. Это – удар по ее замечательным планам.

– У вас, кажется, есть что сказать по любому поводу, – заметил он, усаживаясь на плюшевый диванчик в середине салона.

Элисон села в стороне от него в кресло с кремовой обивкой.

– Я – юрист, – ответила она. – Высказываться – это необходимая часть моей работы.

Макс не удержался от смеха на ее колкость. Она так не похожа на женщин, которых он знал. В ней нет жеманства, она не вешается на него и не уступает ему по каждому поводу. Некоторых мужчин это не привлекает, им не нравится ум в женщине и то, что она может за себя постоять. А вот ему нравится. К тому же он уверен, что сила на его стороне, особенно после того, как он добился, чтобы она отправилась с ним в Туран.

Он вовсе не собирался давить на нее. Наоборот, в его намерения входило предложить ей то, от чего немислимо отказаться. Ему было ясно, что Элисон станет защищать ребенка ценой своей жизни, если придется. Пожертвует всем ради него. Но и он готов на такие же поступки. Он ни за что не позволит ей исчезнуть с их ребенком.

Максу было непонятно, отчего эта женщина так недовольна, что отец ребенка – он. Он не тщеславен, он прагматичен. Прежде всего, он из королевской династии, он чрезвычайно богат. Он станет следующим королем в своем государстве и вместе с титулом получит миллиардное наследство, а также у него есть собственное состояние, которое он приобрел в результате успешной деятельности своей огромной корпорации. Он владеет сетью роскошных отелей и казино как на острове Туран, так и почти во всех главных туристических центрах в мире.

В глазах большинства женщин он – лакомый кусок, пропуск в высшее общество таких богачей, что трудно и вообразить. И все же мисс Элисон Уитмен ведет себя так, словно быть беременной его ребенком – то же самое, что сидеть в королевской темнице. Чего-чего, а таких мест во дворце Турана нет, чтобы она себе ни напридумывала.

– Ваша работа очень важна для вас? – спросил он, все еще не понимая, каким образом вписывается ребенок в график жизни этой хладнокровной женщины.

– Да. Я – назначенный судом детский адвокат. Моя юридическая контора оказывает бесплатные юридические услуги – нас субсидирует правительственный фонд. Зарплата недостаточная, но я одно время работала в более престижной фирме и быстро поняла, что заниматься разводами обеспеченных людей и разбирать их дразги не приносит мне удовлетворения.

– Вы детский адвокат? – Ну и ну. Можно представить, какой она зубастый юрист. С таким острым умом и проницательностью в сочетании с холодной красотой кем еще ей работать?

– Последний год я занималась именно этим. Я знала, что, если я собираюсь подготовиться к материнству, я не могу продолжать делать то, что делала в «Чапмен и Стоун».

– Тогда почему вы с самого начала выбрали юриспруденцию?

– Это хорошо оплачивается, – честно ответила она. – Я хороший юрист... Просто сейчас мне это не подходит. Но я долго проработала в этой сфере. Сколько смогла выдержать. А затем занялась другим направлением, которое меня больше устраивает. Дети не должны находиться в суде лицом к лицу с теми, кто превратил их в жертвы. За детей говорю я. Я не позволяю тем, кто защищает обидчиков и педофилов, снова мучить ребенка, лишь бы получить побольше денег. – Она грустно улыбнулась. – Я юрист, но иногда я так сильно ненавижу другого юриста, как никого на свете.

Элисон покраснела. Какая страстность к своей работе, своему призванию! Она носит его ребенка, и она – адвокат, выступающий от имени детей. Лучшей матери своему ребенку Максимо не мог и пожелать. Его отношение к ней полностью изменилось. Он уже видел перед собой не твердую как сталь карьеристку, а защитницу, сражающуюся за правду, женщину, посвятившую себя работе на благо других.

У него в мозгу окрепло решение, к которому он уже склонялся.

Брак не входил в его планы. Он был женат, он любил свою жену. Но ни любовь, ни уважение не сделали их счастливыми, не разрешили их проблем, и его жена провела последние месяцы своей жизни, чувствуя себя несчастной. И это

останется с ним навсегда.

Элисон носит его ребенка, а долг требует от него честного поведения. Он обязан на ней жениться. Ему все равно, что женщина забеременела при помощи медиков, а не в результате сексуальной связи.

В паху болезненно запульсировало, напоминая, что ему далеко не все равно. Но тем не менее он чувствует несколько не меньшую ответственность, чем если бы ребенок был зачат в его постели, а не в лаборатории. Он чувствовал ответственность за Элисон точно так же, получи они их ребенка старым испытанным способом.

Сильнейшее притяжение, которое он чувствовал к ней, – это дополнительный приз. Макс не собирался прожить монахом всю оставшуюся жизнь, но случайные знакомства и связи на одну ночь ему также не подходили. Он был женат семь лет, и прошло девять лет с тех пор, как он спал с кем-то, кроме своей жены. Его «черный список» побед утратил актуальность. В тридцать шесть он чувствовал себя слишком старым, чтобы предаваться этому снова.

Поэтому брак с Элисон был бы полезен. Макса потрясло, насколько сильно его привлекает Элисон, хотя объяснение этому есть – долгое воздержание, так что нечего удивляться, что его либидо пробудилось от зимней спячки.

Красавица-искусительница сидит прямо напротив него. Молочно-белая кожа, безупречная фигура – это то, что ему требуется, чтобы утолить свой мужской голод. Она не похожа на его жену. Селена была высокой и худощавой, а макушка Элисон едва могла достать ему до подбородка. А ее формы... могли удовлетворить любого мужчину. Ее грудь наверняка едва поместилась бы в его ладонях. От желания стянуло живот, пах, и он задвигался, чтобы не давили брюки и чтобы Элисон не догадалась, как он возбудился. Не хватало еще, чтобы его, словно мальчишку-подростка, поймали на неумении скрывать нужды своего тела.

– И вы любите детей? – спросил он.

Она кивнула, и волна соломенных волос упала ей на плечо.

– Я всегда хотела стать матерью.

- Но не женой?

Она повела плечами, и Макс не мог отвести глаз от колыхания ее груди.

- Длительные отношения – это очень сложно.

- Как и быть матерью.

- Да, но это совсем другое. От вас зависит ребенок. Дети приходят в мир с любовью к вам, а уж вам остается ценить это, заботиться о них и любить их в ответ. А семейные отношения, брак... это значит зависеть от кого-то еще.

- Для вас это преграда?

- Это требует такую веру в человеческую натуру, которой я не обладаю.

- И вы выбрали для себя путь матери-одиночки, а не семью?

Она сдвинула брови, губы у нее при этом соблазнительно надулись.

- Я не собиралась обязательно стать матерью-одиночкой. Я просто хотела быть матерью. Что касается длительных отношений... я не думала о том, нужны они мне или нет.

- Неужели настолько плохо для нашего ребенка иметь обоих родителей?

Она отвернулась от него и уставилась в окно:

- Не знаю, Максимо. Давайте поговорим об этом позже, после теста?

Он кивнул:

- Как пожелаете. Но нам все равно придется обсудить наши взгляды.

- Знаю.

– Я понимаю – это не то, что вы спланировали. Я также ничего подобного не планировал.

Элисон понимала, какая трагедия была в жизни Максимо. Но она не хочет питать никаких теплых чувств к нему. Уже то, что она остро ощущает его присутствие, невыносимо. Если она позволит себе чуть большее, то разразится беда.

Романтическая любовь ее никогда не привлекала. И интимные отношения тоже. Она видела печальные последствия романтической любви в доме ее детства, наблюдала, как отдалялись родители и каким крахом все закончилось. Мать полностью замкнулась, и Элисон ничего не оставалось, как самой заботиться о себе.

Когда отец ушел из семьи, это ударило также по их материальному положению. Люди, которых мать считала друзьями, отвернулись от нее. Элисон не хотела очутиться в подобной ситуации, не хотела доверить свою жизнь кому-то, чтобы потеря этого человека обрушила все. Печальный опыт научил ее полагаться исключительно на свои силы, идти своим путем и найти свое счастье.

Элисон контролировала каждый свой шаг: отличные отметки в школе – особенно в старших классах, – чтобы получить стипендию и поступить в колледж; ученая степень после окончания колледжа, что позволило найти высокооплачиваемую работу. И дальше каждый поступок тщательно обдумывался и исполнялся вплоть до того дня, когда она решала, каким образом ей стать матерью.

Над всем этим можно сейчас посмеяться. Она сидит в самолете и летит в иностранное государство, а рядом с ней красавец принц, который – так уж получилось – является отцом ее ребенка.

Глава 3

Первая промелькнувшая перед глазами картина Турана поразила Элисон. Остров был похож на бриллиант на бархатной глади ярко-синего Средиземного моря. Сверкающие белые скалы, черепичные крыши домов, рассыпанных по песчаной береговой линии. Берег переходил в пышную зеленую растительность, а на

склоне высокой горы стоял каменный дворец, блестящий в лучах вечернего солнца.

– Какая красота.

Да, красота. Буйство природы, не поддающейся приручению, как и хозяин этого великолепия. Невзирая на изысканность и утонченность Максимо, было в нем что-то первозданное.

Полет проходил в напряженной атмосфере. Во всяком случае, для нее. Максимо, казалось, абсолютно не затрагивало ее присутствие. Чего не скажешь о ней. Нельзя думать, что ей вообще не нравились мужчины или что она никогда не ощущала чувственного желания. Все это, конечно, было. Она просто не хотела культивировать это в себе. Физическая интимность, когда ты раскрываешься перед кем-то, выставляешь себя напоказ, теряешь самоконтроль... Это ее отталкивало и даже приводило в состояние паники. Но что-то в Максимо разожгло ее любопытство, начало брать верх над чувством самосохранения.

– Спасибо, – произнес он, и его голос прозвучал искренне. – Я твердо убежден, что Туран – одно из самых прекрасных мест на планете.

Самолет начал снижаться. Теперь были видны зеленые луга, где пасся скот.

– Никогда бы не подумала, что на острове столько скота.

– Не очень много, но мы стараемся взять все, что только можно, из природных ресурсов. Виноград и оливки получаем в большом количестве, а продукты животноводства – скот взращивается на естественных кормах – славятся во всем мире. Конечно, поскольку мы – остров, морепродукты составляют значительную часть нашего экспорта. Мы могли бы экспортировать больше, но мои приоритеты – это независимость и самостоятельность.

Элисон одобрительно кивнула.

– В чем состоят ваши обязанности? Ведь ваш отец все еще официальный правитель?

– Я отвечаю за экономику. За последние пять лет мне удалось увеличить доходы от туризма на пятьдесят процентов. Мы строили новые казино и восстанавливали исторические рыбацкие поселки. Туран превратился в привлекательное место для богатых людей, которые хотят провести отпуск на модном курорте.

– Выходит, вы скорее бизнесмен, чем принц.

Он тихонько засмеялся:

– Возможно. Будь у меня другая жизнь, я стал бы бизнесменом. Но в этой жизни я вполне доволен тем, что могу исполнять свой долг. Моя главная ответственность – это моя страна, хотя у меня есть и деловые интересы.

– Но долг – самое главное?

– Я был так воспитан, что долг превыше всего, выше собственных желаний.

Долг выше собственных желаний... Означает ли это, что ее долг перед ребенком в том, что ребенок должен знать своего отца? Если бы своему отцу она не была безразлична, а мать не оттолкнула бы его, что было бы? Больно об этом думать. Она отдала бы все что угодно за отца, которому она была нужна. За защиту и надежность, которые он мог ей дать. А есть ли у нее право отказать в этом своему ребенку? Она не хочет посмотреть правде в лицо, не хочет признать, что привлечь Максимо к воспитанию ребенка – это правильно и справедливо. Чего же она хочет? Хочет, чтобы все шло по ее плану. Но... сейчас это уже невозможно, и она это знает.

Самолет приземлился. У Элисон желудок поднялся к горлу.

Когда подкатили лестницу, Максимо взял ее за руку... как хозяин, помогая ей выйти. Он держался очень прямо и как можно дальше от нее, словно боялся, что это ниже его королевского ранга. Ее это устраивало, потому что его присутствие странным образом на нее действовало. Словно тело помимо ее воли жаждет чего-то.

Пять человек судовой команды выстроились на взлетно-посадочной полосе, готовые забрать багаж его королевского высочества... и ее дорожную сумку. Элисон положила туда самые необходимые и скромные из вещей, поскольку собиралась вернуться в Сиэтл через несколько дней. Увидев его многочисленные чемоданы около своей старой сумки, она еще раз ощутила огромный социальный водораздел между ними.

Максимо усадил ее на заднее сиденье поджидавшего черного лимузина, и она покорно села.

Богатство... В раннем детстве семья жила в достатке, и, хотя потом были годы нищеты после ухода отца, Элисон не успела забыть, что такое жить в хорошем доме в тихом переулке. Да и сейчас ее доход был больше, чем у большинства знакомых. Она откладывала деньги, а не тратила на пустячные покупки.

Но богатство Максимо... с подобным она никогда не встречалась.

Блестящий лимузин проехал через железные витые ворота. С двух сторон ворот стояли массивные каменные статуи воинов с мечами, за внутренними стенами возвышалась башня.

– И никакого рва с водой? – шутливо спросила она.

– Нет. Крокодилы не смогли бы распознать, где незваные гости, а где законные владельцы, так что система безопасности из них никудышная. Поэтому у нас, как у всех, теперь бесшумная сигнализация, – тоже пошутил он.

– И никакого кипящего масла?

– Только на кухне, – улыбнулся он, и она заметила, как у него на щеке обозначилась ямочка. Лучше бы он оставался сдержанно-холодным. Легче видеть его своим противником и намного труднее – таким вот... милым.

Лимузин остановился перед двойными дверями, по обеим сторонам которых замерли охранники, своим видом не очень отличаясь от каменных воинов у ворот.

Максимо повернулся к ней со словами:

- После того как ко мне придет врач, чтобы сделать тест, у нас будет обед с моими родителями, и я представляю вас.

- Это обязательно?

- Вы не только гость, но также и мать моего ребенка и их внука.

Дедушка и бабушка. Благодаря Максимо у ее сына или дочери будут дедушка и бабушка. А она... ее отец бог знает где, мать - озлобившаяся пьющая женщина. Элисон никогда и ни за что не подвергнет своего ребенка такому испытанию - увидеться с ней. Она и сама не отважится на встречу с матерью, ну если только при крайней необходимости.

- Это все усложняет. - Элисон прижала ладони к глазам, чтобы не закапали слезы. Столько всего на нее накатило: беременность, осознание того, что она станет матерью, а теперь еще и это.

- У них есть право на внука, такое же, как у меня право на своего ребенка. Как и у вас, Элисон. Я не дам вам возможности лишить мою семью этого.

Гнев, охвативший ее, придал ей силы.

- Королевским указом? А меня - в темницу?

- У вас что, навязчивая идея по поводу темницы?

- Просто представила бегущую строку на новостном телеканале: «Американка - узница принца-варвара», - резко ответила она и прижала холодные руки к горящим щекам.

Странно, но вместо отвращения - вполне понятного при мысли о Максимо в роли деспота - она ощутила прилив чувственного волнения. Вот ужас! Откуда эти непристойные мысли? Элисон отвернула от Максимо разгоряченное лицо и сама открыла дверцу, не желая, чтобы это сделал кто-то из прислуги дворца.

Максимо мгновенно оказался с ней рядом – с его длинными ногами ему достаточно сделать всего два шага.

– Я смутил вас, tesoro?[1 - Сокровище, дорогой, дорогая (ит.).]

Она вскинула подбородок, не желая обращать внимания на его слова и на его намеки.

Он крепко взял ее за руку, не дав ей идти. Сердце у Элисон так громко стучало, что ей казалось, что он наверняка слышит этот стук. От него исходило тепло, и не только – она чувствовала опьяняющий мужской запах... запах секса. Запах Максимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сокровище, дорогой, дорогая (ит.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/eyts_meysi/brak-ponevole

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)